

А. Белый

О СМЫСЛЕ ПОЗНАНИЯ

1.

Кризис жизни и мира зависит от кризиса мысли: мысль действительна; действительна не абстрактная мысль; действительна и абстракция; действие абстракции мысли есть творчество не должного мира. Абстракция – злая мысль: ее порождение – злой мир: мир абстракций; он сперва нам является, как эмблема; вибрация, атом, молекула суть эмблемы научных понятий; но эмблемы суть призраки; мир абстрактный есть призрак.

Призрак – то чего нет, но что видимо, слышимо, осязаемо даже: он есть бытие небытийственности, то есть более, чем разрушение бытия: здесь в разрушенном месте, в дыре поселяется Некто; призрак есть недолжные роды; разумеется, его нет: он не то, чем является; но он есть в другом смысле: появляется то, чего быть не должно; и при этом оно (то, чему быть не должно) появляется нас морочить; разоблачи мы обманную форму, не будет нам призрака, т. е. не будет явления силы в феномене; сила же останется, и – недолжная сила; призрак есть раздвоение личности, где у личности вырваны органы; и эти органы отданы: демону; призрачный мир созерцания злого духа; то, что он видит, переживаем мы в образах; призрачность есть визитная карточка нам духа тьмы. Создание абстрактных эмблем при наличности веры в эмблему – создание призрака, т. е. начало создания недолжного мира. То, что сегодня эмблема, есть завтра – действительность. Наше абстрактное знание создает нам эмблемы. Что есть оно?

2.

Соединять слово «знание» со словом «научность» нельзя. Слова «знание» и «наука» инородны по корню. «Наука» предполагается прежде; «знание» результат «научения»

Русское слово «наука» предшествует современному смыслу слова «наука»; под «наукой» ныне мы разумеем лишь «точное знание». В первоначальном же смысле это слово обозначает лишь «ведение»: наука и веденье предполагаются чем-то исконным, передаваемым по традиции ведуном. Знание – результат научения.

Совершенно обратное нас встречает в терминологии немецкого языка, где «наука» есть «Wissenschaft», а «знание» – «Wissen». «Wissenschaft» обработанный методом материал; «Wissenschaft» результирует «Wissen». «Wissenschaft» переводимо скорей, как точное знание, предполагающее путь «Wissen» пройденным. Меж словами наука – знание – веденье нет точной границы. Самый глагол «знать» по немецки переводим в трех оттенках: wissen, kennen, erfahren. В слове «wissen» подчеркнут момент опытных наблюдений; в слове «kennen» подчеркнут момент априорного, интуитивного знания: это знание внутри нас, как текучий процесс (Kenntnis); за-

вершение процесса в «Erkenntnis», – завершение знания в познании; процесс завершения «wissen» есть «Wissenschaft».

Третий словесный оттенок «erfahren» (доехать) являет нам знание, как апостериорный процесс, приводящий нас к «Wissen».

Если я возьму тезис «наука есть знание», то значение тезиса будет изменчиво от того, соединяю ли я со словом знание оттенки трех слов: wissen, kennen, erfahren.

Суждение «знание есть наука» может быть суждением аналитической логики: или же: суждением синтетическим; если «знание» есть «Wissen», то понятие «Wissenschaft» в наше суждение вносит нечто новое; суждение наше – суждение синтетическое: вносится понятие опыта в ряд (ряд зависит от метода); «Wissenschaft» есть сотворенное знание (erschaffene Wissen). Точная наука волюнтаристична всегда.

Но суждение «знание есть наука» принимает более всеобъемлющий смысл, если точное знание, как содеянный опыт, будет субъектом суждения, а понятие знания в смысле трех смыслов будет в нем предикатом; суждение «знание есть наука» в таком случае определяет нам знание, как предел человеческих устремлений; это знание есть цельное знание, сотворяющее нам впервые действительность.

35

Понимание науки, как знание опыта, за содеянным опытом не признает бытия; обработка опыта в понятийном мире наук не имеет значения действительной истины; номинализм нашей мысли вскрываем в таком понимании науки.

Понимание науки, как цельного, творящего истину знания, ведет к ряду понятий, в которых действительность совпадает с истиной мысли; понимание такое реалистично всегда.

Мы а priori видим два возможных истолкования науки. Многомысленность термина «знание» и определенность термина «точное знание» (Wissenschaft) заставляет спросить нас, как мы понимаем науку: как сужение, или же как расширение знания. Чем она волит быть?

Разнородны ответы. Различные части науки вменяют науке различные устремления: то наука есть главным образом творческий результат («-schaft»), то она главным образом, истина (bewahren от Wahrheit); в биологии она Wissen; в математике – Wahrheit; в логике – Erkenntnis.

«Wissen» – ответ биологии; ответ математики есть «Bewahren»; логика отвечает: «Erkennen»; физика отвечает нам: «Schaffen».

Наука же в целом молчит.

3.

От вопросов, науке поставленных, обратимся же к многообразию манифестов многообразных ученых; показательны чаянья их; и – показательны веры во всемогущество отраслей; разрешение всех сомнений лишь в физике – физику; лишь в логике – логику.

Остается смутное чувство противоречивости заявлений; о том, что такое лишь частное знание всемогуще воистину: физика, математика, биология, теория знания в своей отрасли всемогущи. Сумма всех отраслей – всемогущество всемогуществ.

Конт и Спенсер уверены в всемогуществе знания; популяризаторы проповедают массам о творческой мощи науки. Ее заключение о вселенной – правительственные манифесты о мире.

Что есть мир?

Результат кручения материальной массы вокруг единого центра (опыт с масляной каплей) – отвечает ученый; этот ответ есть при-каз, есть команда: «да будет!» Ученый командует: распоряжается архитектурой мира: строит храм его в конгломератах действительности (в данном образе мира). Заявление теории знания о феноменальности метода понимаемо многими, как отказы науки от правдивого разрешения всех вопросов о мире: но отказы – уловки, не сочетаемые с инстинктом науки: быть воистину всемогуществом; инстинктивный профессорский жест – воля к власти. Эмблематика в сочетании с волей к власти есть тайный заговор: упразднить данный мир; учредить на обломках его мир абстракции; и внушить, что вся жизнь – комбинация белковых веществ в условиях раскаленного состояния при участии радикала «CN». Сотворил нас не Бог, а «CN». Что такое «CN»? Он – химический радикал: радикал чрезвычайно опасный и образующий с водородом синильную кислоту. Заговор вызвать призраки радикала грозящего «ядами». Говорят, что «CN» есть эмблема. Но ее сотворяет определенная воля к власти – нового ядовитого божества; и оно, ядовитое божество, говорят, появилось в ко-метном хвосте, через который промчались мы семилетием ранее.

Отравление этими ядами – пока призрак. Но воплотить этот призрак зависит от нас: стоит только поверить нам во всемогущество радикала «циана»: «циан» воплотится.

Может быть мы отравлены верой в цианистый кали; и он в нас; может быть и открытие в спектре кометы циана – эмблема отравы, в нас вызвавшей ужасы современной войны? Может быть прохожденье чрез хвост заряженный тончайшей отравой пресуше-ствило наш воздух; научные методы, завтра утончившись, вскроют: тончайше отравлены мы; изменение мозговых веществ – следствие этого; и от этого человечество изживает себя теперь в войнах.

Это все разумеется – басня: но басни – эмблемы; они – воля к действительности; они – ее творчество; в таком случае и эмблемы крутящихся масс с всемогуществом ядовитого газа суть прорези творчества призраков, разрушающих мир; когда будет разрушен он, то останется неразрушенным призрак: он снимет личину иллюзии.

4.

Выражение кризиса мысли – в призывании к власти абстракций; мысль задолго до Канта – абстракция. Кантианство – введение абстракции на престол: коронование ее властью.

36

Долго зревший нарыв, не прорвавшись во вне, прорвался внутри мысли: кантианство – рассасывание отравленной крови. Есть величие в нем.

Кант – симптом смерти мысли. Представления о жизни мысли подорваны в Канте. Мысль – убила мир, «я»: она – гильотина; природа есть грубая чувственность; невоплотима она; воплощенность – «природа в себе»; понятие воплощения связано с понятием «организма»; организмы – непознаваемы; опознание

природы есть опознание действия прикосновения к ней математических и динамических категорий. Воплощение мысли в природе невысказано; мысль о природе есть мысль о законах ее.

5.

Всякое знание непосредственно; оно – факт; в наблюдении факта слагается знание о факте. Наблюдая цветок – белый ландыш – я в нем вижу его белизну и количество говорящих мне цветков; переживаю его моим внутренним чувством; в переживании факта сливаюсь я с фактом: первоначально: что-нибудь доказать только значит до-указать, довести до реального прикосновения с фактом; прикосновение – соединение с фактом; я беру его как дитя в мои руки: его покрываю душою; до-указать – это значит: коснуться душою; первоначально «be-wahren» имеет один только смысл: покрыть правдою факт; это значит: его оправдание. Оправдание ландыша – излияние в него моей правды о нем; одушевление ландыша.

Первоначальное доказательство есть оправдание душою; первоначальное доказательство есть братанье: «Я – Ты».

Вот импульс науки. И первые души, пошедшие на этот братский призыв к возрождению мира, философы Греции: «все полно богов», – лозунг свободы к стихиям: возвышение элементов до жизни; элементарные божества мифологии суть воспитанники философской любви; мир «дриады» – оправдание растительной зелени. Мифология есть распашка пустыни земной первобытной любовной наукой.

И позднее: ученые возрождения были мудры воистину. В их касаньях природы – природа нам образ. На науку откликнулись: Микель-Анжело, Леонардо да Винчи; любованье миром раковин есть интимнейший импульс создания теории раковин. Но любовное созерцание естества подменилось жестокостью: созерцанье возжаждало раскромсать все явления; и из мельчайших частей воссоздать манекен; орудия опыта нам становятся орудием пытки; доказать – стало значить: кромать на мельчайшие части; из частей сложить манекен, лживую пародию факта; и объяснением пародии объяснить мертвый факт; первоначальное доказательство ландыша превратилось подменой его спиртовым препаратом. Доказательство превратилось в убийство; вместо ритмов космической жизни пошел «danse macabre»: в механической зыби погиб мир природы; трясущийся остов с пустыми глазницами – есть он.

6.

Нет органики мысли: взгляд на мир – это взгляд сквозь машинную мысль; и цвет мира зависит от мысли; и от того мир – машина, единственная конструкция мысли. Познавательный акт есть бестворческий акт. Все системы до Канта об органической мысли – ошибки; в них нет знания акта познания. Все системы в мире разлагали мы разумом на отдельные акты познания, слагающие взгляд на мир; допускали: раз связь между актами установлена сообразно законам, то эта связь безошибочна. Но эти связи надстройки над связями, протекающими внутри отдельного акта: анатомия и физиология отдельного акта не была еще вскрыта. Кант нам вскрыл познавательный акт.

7.

Что же есть познавательный акт?

Приложение механической мысли к материалу чувств, данному нам. Чувственно данные элементы и рассудочно-данные Кант впервые нам выявил. И выявил: два момента рассудочных внутри акта: момент установки рассудочной формы, и во вторых: установки условия возможности формы (как-бы формы формы); это последнее – сопровождение акта мысли единством «я – мыслю». Содержания нет у единства: содержание это есть чувственный опыт: когда я мыслю «себя», то это «я» только чувственный материал: сверх чувственное содержание не мыслимо: наше «я» – в акте мысли – материя, не могущая иметь никакого единства и оформляемая в отношениях установившихся «я мыслю»: «я» – пустейшая форма сопровождения мысли.

37

Отношения (двенадцать единств) – категории; это пределы абстракций; обобщения всех мыслей – пределы возможного подведения содержаний к бессодержательным формам рассудка, имеющим значимость лишь в математике, в физике.

Категории делятся Кантом на группы: в первой группе мы получаем понятие о числе; во второй о материи, качестве и реальности; представления наши о реальности суть фикции; *res* – всегда материальная вещь. Реальность есть форма рассудка, один из двенадцати его клавишей: пустой вымысел головы. В третьей группе нам вскрыты законы: понятие акциденции и субстанции, понятие причины и действия, понятие взаимодействия – суть понятия значимые в одном только смысле: они – оформляют нам чувственность; так приходим к законам: причинности функциональной зависимости; и получаем мы право: на утверждение бытия мира... физики. В группе последней формалистический смысл получают вопросы о бытии, истине и действительности: содержания у бытия и у истины нет; истина только форма понятия. Каждая из групп категорий приложима лишь к чувственности; мировоззрение есть логическая ошибка: расширение категорий; приложение категорий к материалу чувств образует нам систему науки; в умении приложить категорию создастся нам метод; смысл метода – фикция.

Двум моментам познания противопоставлены чувственные: чувственность связуема в две формы – в пространство и в время; в пространстве и в времени происходят синтезы многообразия чувственных элементов; соединение временных элементов с пространственными происходит в законах «фигурного синтеза»; и уже после этого синтеза материал подается рассудку; одна из двенадцати категорий, выражаясь образно, опускается к материалу, своеобразно располагая его; расположение материала зависит 1) от чувственных синтезов; 2) от подведения их под одну из рассудочных категорий; от характера подведения зависит в нас самое содержание мысли; категориальной печати, штемпелюющей чувственность: штемпель – закон.

Содержание акта мысли по Канту есть штемпель формы (абстракции) на известного рода объеме оформленной чувственности. В мышлении не вскрывается собственно-содержание; материал содержания напоминает нам тюк, отовсюду зашитый рогожей; содержание мысли есть знак на рогоже одной из печаток; что

внутри тюка – неизвестно: может быть, внутри тюка – сор, может быть, внутри – золото: такова «вещь в себе»; убедительно доказывается, что она есть иллюзия. Вообразите себе, что вы ждете багаж; вы его получаете: станционный жандарм на нем ставит отметки печатью; вы хотите багаж с собой взять, но у вас отнимается он указанием, что внутри сундуков ничего быть не может; размышление о содержании сундуков – пережиток скверней, шей привычки: заботы о собственности; содержание собственности лишь отметки жандарма печатью; содержание вы прочли; содержание в вашей душе. Собственность осталась не вскрытой. Как бы ни было, вы остаетесь при мнении, что теперь вы ограблены станционным жандармом; вместо собственности принесли вы с собой – силлогизм...

Кант ограбил нам мир; и похитил нам мысль; великолепные колонны соборов из мысли – 12 пустейших абстракций: вместо стен – две формальности: время, пространство. Вместо купола – форма: «я – мыслю». Яркий мир заменен отвратительным миром.

8.

В познавательном акте по Канту есть два оформления: в чувственном и в рассудочном синтезе. Чувственность не соизмерима с рассудком; элементы ее не пронизывают понятия: если последние суть печати, а чувственность – лист, то передача печатного оттиска на бумагу предполагает чернила (соизмеряющий элемент), дабы акт познания – был.

Таковые чернила есть кантова схема, а схематизм понятий рассудка есть метод изображения их в образах (определение схемы рассудком); определение чувственностью таково: схема есть воображение чувственности; то есть, она есть слепая способность души; есть двенадцать схем (сообразно 12 категориям). Схема есть отнесение категории к времени; например: схема времени в форме количества – линия.

Если мы отнесем схему Канта к рассудку, то не ясно, что схема – понятие в образе; что есть образ для мира понятий рассудка? Оставаясь в духе Канта, должны мы сказать: образ – чувственный образ; рассудочный образ – невнятица. Изображение понятия в об-

38

разе предполагает возможность пронизывания понятия образом; и сказать «понятие в образе» значит – сказать: сотворим из песка, содержащая, песочную форму; образность присуща рассудку; пронизывает он чувственность: но тогда познание было бы не формальным, как того хочет Кант; и миры «вещей» были бы вскрыты: мышление бы носило тогда органический смысл.

Если мы отнесем схему Канта к воображению чувственности, то неясно воображающее начало ее: чувственность есть глухой материал, совершенно пассивный, а активная сторона познания коренится в рассудочности: в чувственность вписуем закон; самостоятельная творческой роли она не имеет. Если схема относится к чувственности, то определение Кантом последней – определение неверное.

Схема, воистину, не относима ни к чувственной стороне познавательных актов, ни к их рассудочной. Акт познания в аналитике Канта рисует не две, а три части; изображение понятия в образе допустимо в том случае, если метод и об-

раз пересекаемы в третьем начале: воображение чувственности не слепочувственно. Схема есть способность души, нераскрытая Кантом; велика ее роль в познавательном акте у Канта; не будь ее, – мир бы не мыслился мыслью; не было б мира мысли; чувственность должна в ней быть пронизанной до ядра; «вещь в себе» ею вскрыта же. Но все это невозможно по Канту.

Схема есть необходимый момент в познавательном кантовом акте; она может быть лишь начало, одинаково упреждающих половины познания (понятие, чувственность); она – цельность познания, лежащая вне рассудка и чувства; акт познания, стало быть, начинается не с наложения категориальной печати на материале познания, а с первичной вне-чувственной, вне-рассудочной цельности; далее, эта цельность щепится внутри познавательных актов: на категорию и предмет; только третий момент соответствует приложению категориальной печати: содержание, так добытое, есть природный закон; закон создает из картины вне-чувственных, вне-рассудочных отношений картину в подобии рассудочно-чувственном.

Схема – творческий образ: законы познания – произведения творчества; познавательный акт – организм; в нем из двух половинок действительности создается действительность собственно, которая есть ни **????** в прежнем смысле), ни мысль (в прежнем смысле): мировые мысли слагаются в нас миром мысли, и воплощают чрез нас мироздание.

Мы творим в мире мир.

Это все вытекает из акта познания, если в нем схему Канта поставим мы на надлежащее место; акт познания 1) вне-рассудочен, 2) «вещь в себе» и мир «нуменов» не лежат за пределами мысли и мира, а в мысли и в мире: «вещь в себе» и мир «нуменов» есть единство процесса познания; познавательный акт не машина; он есть существо жизни мира и мысли; существо это – дух: познание, плоть его – вечное становление, не могущее стать ни понятием (формой), ни материальным предметом; понятие и предмет – две абстракции плоти познания; отпечатки текучей игры; жизнь лица непрерывна; отпечатки не выразят смену жизни лица; между ними – предел, перерыв; представления о познании, данные в формах, рисуют познание, как имеющее свой предел; но познание – беспредельно: границ не имеет; течение струй безгранично, вне-форменно; познавательный акт есть струя; изобразить познавательный акт в его формах – сложить соляные кристаллы в живую струю; надо их растопить: и они – потекут. Познание беспредметно; предметы познания – внутри познавательных актов, кристаллы раствора внутри растворителя; отношение кристалла к раствору и есть отношение мира к познанию: мир понятий, предметов, форм, образов кристаллизуется внутри познавательных актов. Познание – имманентно предмету познания; противоположение понятия и предмета, т. е. мысли и мира – момент внутри акта; в этом отдельном моменте нам кажется, что познание трансцендентно; и фикции трансцендентности – «вещь в себе» и «нумен».

Это – тени теней.

Наше познание 1) текучее, 2) беспредельное, и 3) имманентное правде.

Подобие жизни его внутри нас – органический, растительный мир; и отбросы – минеральные части.

Эти отбросы познавательной жизни живописует нам кантов акт: в нем опознаны минералы; и – неопознаны организмы.

В живописаниях органической жизни – живописанье познания, обращенного на себя; живописуемо тайное жизни в культуре познания.

39

Познание есть культура воистину прорастающей жизни из мертвых кристаллов рассудочных форм.

9.

Представление об органике мышления от противного возникает в нас при рассмотрении выводов знания; его истина определяется методом, а методов – много; они раздробляют ответы об истине мира; вместо истины – круги истин; не соблюдаема однопутейность науки; плюрализм – мировоззрение наших дней; в каждой серии опытов возникают иные ответы; возникают потребности перевода серии опытов в смежные серии: серии истин физических в истины химии. В современном научном воззрении вместо истины «Л.» мы имеем круг истин, круг методов; если их двенадцать (по количеству кантовых категорий), то истина «Л» разрядится по кругу 12 истин 1) *a* 2) *b* 3) *c* 4) *d* 5) *e* 6) *f* 7) *g* 8) *h* 9) *i* 10) *k* Н) *l* 12) *m*. Вместо истины «А» – много истин. Или истины нет, или истина истин – в сложении ее методических смыслов: в материализме смысл ее «*a*»; в математизме он «*b*», в рационализме он «*c*» и т. д.

Проще: «А» ни в «*a*», ни в «*b*», ни в «*c*». «А» есть сумма: $A = a + b + c + d + e + f + g + h + i + k + l + m$. Смыслы истины «*a*» в круге «*b*» преломляются, потому что круг «*b*», отмечая иные черты общей истины, видоизменяет оттенок ее; так что «*a*», расширяясь в «*b*», в «*c*», в «*d*» постепенно становится истиной $a_{b+c+d+\dots}$, т. е. истиной преломленной всем кругом истин: «*b*» становится $b_{a+c+d+\dots}$; «*c*» становится в свою очередь $c_{a+b+d+\dots}$; словом: истина «А» определима:

$$A = (a + b + c + d + e + f + g + h + i + k + l + m) + (a_{b+c+d+\dots} + b_{a+c+d+\dots} + c_{a+b+d+\dots} + \dots)$$

Этот процесс может дальше продолжаться:

$$A = (a + b + c + \dots) + (a_{b+c+d+\dots} + b_{a+c+d+\dots} + c_{a+b+d+\dots} + \dots) + (a_{a_{b+c+d+\dots}} + b_{a_{b+c+d+\dots}} + \dots) + \dots$$

Вместо абстрактного определения истины мы имеем конкретное определение текучести изменения ее; смысл ее динамичен: непрерывно растет; непрерывный рост смысла относится к мигам смысла (*a*, *b*, *c* и т. д.): к ритмическим жестам своим; процесс наро-стания смысла в понятии метафизическом «*b*», в многообразии методических преломлений (*a*, *b*, *c*, *d* и т. д.), в преломлении каждого метода методом ($a_{b+c+d+\dots}$, $b_{a+c+d+\dots}$ и т. д.), в преломлении совокупности преломлений – процесс наростания смысла непрерывен, текуч: в нем отдельные смыслы суть капли: радуга возникает из них; это – смысл. Или истины – нет, или истина – жестикующая смыслов. Учение о динамической истине предполагает ее, как текучую форму: как форму в движении; представленье о форме в движении – представление об организме; организм – текучее многообразие в нераздельном; единство в нем целостность; элементы же ее вне ее суть пустые застылые формы; представленье о двух половинах действительности в познавательном акте обусловлено нераздельной цельностью их; Кант чрез нее перепрыгнул: категории Канта – условия данности; между тем они нам даны. Данность Кантом не вскрыта; оттого то и точка начала познания у Канта –

внутри акта познания находима как тень: и эта тень – схема.

10.

Учение о динамической истине нам меняет и самое представление о мысли: смыслы истин – растения; учение о статической истине уподобляемо отношению к зерну: зерно истины, данное как понятие, преждевременно потребляется нами; если бы мы посадили его, то оно – проросло бы ростком многозернистого колоса; зерна колоса проросли бы пучком; от пучка всколосилось бы поле; бескорыстное отношение к истине множит круг ее жизни; определение ее не в зерне, а во множестве зерен. Истина «А» не в зерне: в ритме зреющих зерен.

Систематическая представляемость осуществима в познании Канта; она нас приводит к системе пустых не наполненных содержанием форм.

Текучая представляемость осуществима лишь в органическом мышлении: систематическое мышление определяет его: таковое мышление – интуиция. Невозможности интуиции вытекают нам из анализа кантова акта; но

40

поправляя Канта в установлении его схемы, приходим мы к тезису: акт познания не рассудочен, начинается он вне рассудочных противоположений категории чувственности; начинается он с установления единства процесса: с кипения образов, не щепимых в предмет и в понятие; акт познания не кончается наложением категории на предмет; кантов механический акт схематизирует живую пучину. Схема суждения a priori такова:

$$A+B=C$$

Но под «А» разумеем $(a+b+c+\dots)+(a_{b+c+\dots}+b_{a+c+\dots}+\dots)+\dots$; под «В» разумеем: $(m+n+\dots)+(m_{n+p+\dots}+n_{m+p+\dots}+\dots)+\dots$; под «С» разумеем: $[(a+b+\dots)+(a_{b+c+\dots}+b_{a+c+\dots}+\dots)+\dots]+(m+n+\dots)+(m_{n+p+\dots}+n_{m+p+\dots}+\dots)+\dots]$.

Если a, b, c, m, n и т. д. – многорядные преломления «А» и «В» как понятий субъекта и предиката, то суждение, взятое в рассудочном смысле – эмблема суждения-собственно, которое вне рассудочно; оно есть:

$$\underbrace{\begin{array}{l} \text{Суб'екты} \\ (a+b+c+\dots) \end{array}}_A + \underbrace{\begin{array}{l} \text{Предикаты} \\ (m+n+p+\dots) \end{array}}_B = C$$

Т. е. суждение это есть в сущности вот что:

$$\left. \begin{array}{l} a+b \\ m+n \end{array} \right\} (a+b)+(m+n).$$

Суждение – умозаключение:

$$\left. \begin{array}{l} \text{Я – человек} \\ \text{Человек – смертен} \end{array} \right\} \text{я – смертен.}$$

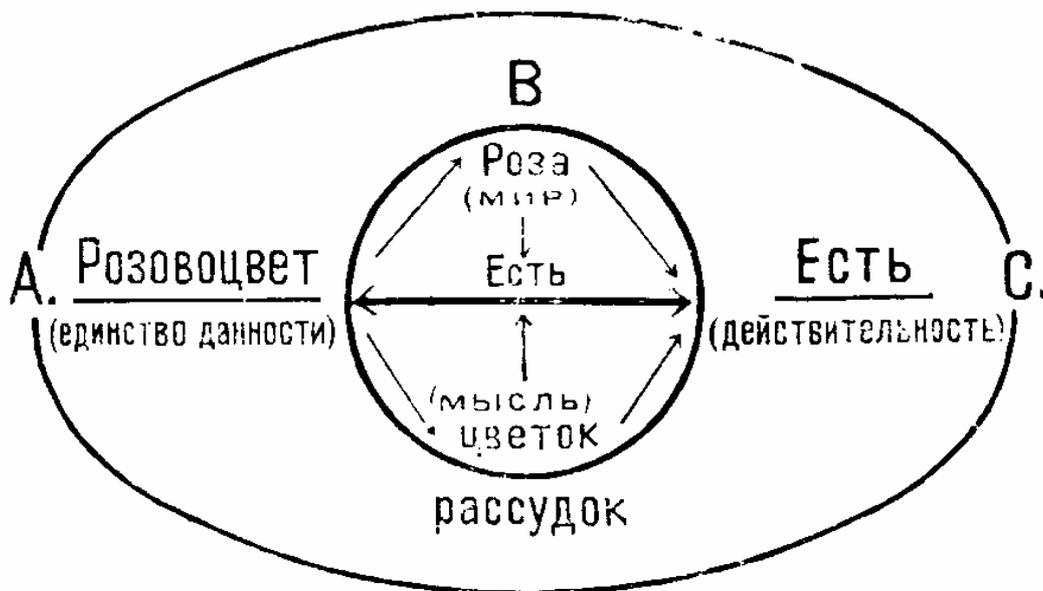
Умозаключение есть опять-таки схема рассудка о динамической мысли.

11.

Кант полагает понятие в основу своей аналитики: понятие предопределяет

суждение; понятие гносеологически первое его. Рудольф Штейнер с убийственной ясностью говорит: суждение – положенья понятия в основу теории знания гносеологически первое понятия: против этого кантианство не в состоянии защититься.

Но суждение, определяющее понятие, т. е. такое суждение, где понятие субъекта (роза) и предиката (цветок) суть единство – суждени sui generis: оно утверждает «розовоцвет»; разлагая его на материальным предмет (роза) и на форму (цветок): соединяет далее обе части единства, в рассудочном смысле

Чер. 1.

(роза есть цветок); смысл суждения в утверждении его как действительности («розовоцвет»), являющейся в двух своих формах: в предметной (роза), в понятийной (цветок): оно – существо жизни мира и мысли, единство их (розовоцвет – есть). Подлинный акт познания начинается до кантова акта: и кончается после кантова акта (черт. 1).

Рассудок внутри мира разума: кантов акт познания – внутри собственно акта познания: суждение – первое понятия.

В сущности акт суждения состоит из трех суждений; суждения положения, суждения в рассудочном смысле и суждения утверждения двух первых суждений, как действительности мира и мысли:

$$\begin{aligned}
 & A + B = C \\
 & (ab) + (a + b) \\
 & (\text{розовоцвет}) + (\text{роза есть цветок}) = \\
 & \left. \begin{array}{l} = \text{роза есть} \\ \text{цветок есть} \end{array} \right\} \text{розовоцвет.}
 \end{aligned}$$

41

12.

Суждение гносеологически первое понятия; понятия предиката субъекта в

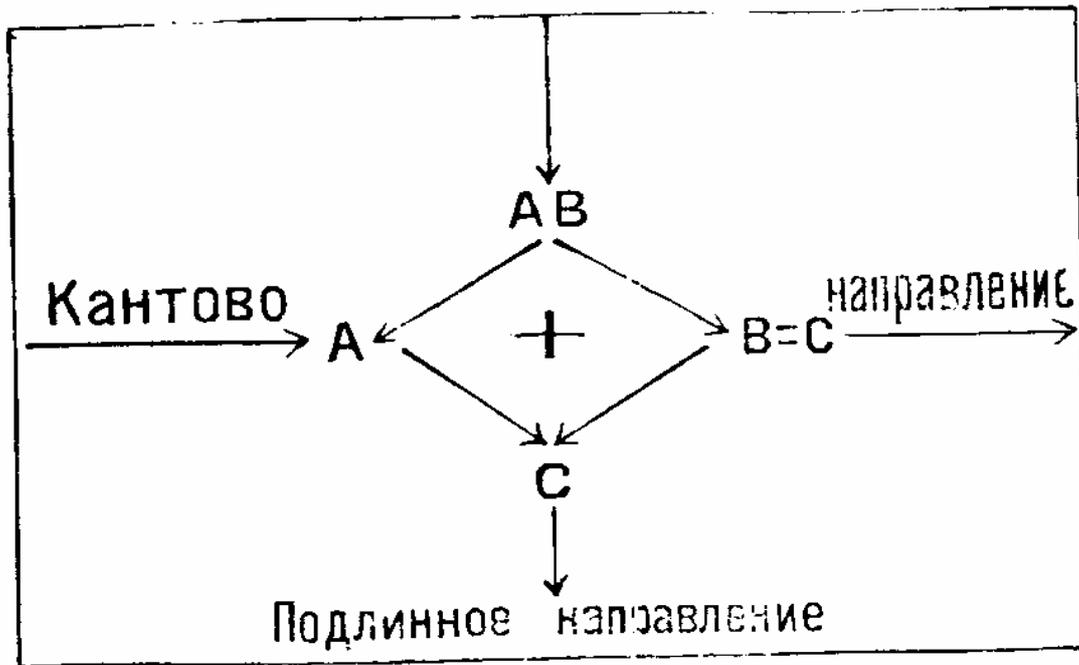
суждении не рассматриваемы в отдельности от суждения, положившего их.

Кант слагает суждение из понятий субъекта и предиката вне суждения, положившего их: в суждении, полагающем их, предикат и субъект вне-понятийны и вне-чувственны.

Суждение кантово изобразимо, как

$$A + B = C.$$

Суждение изобразимо иначе:

Чер. 2.

Взгляд на него перевернут.

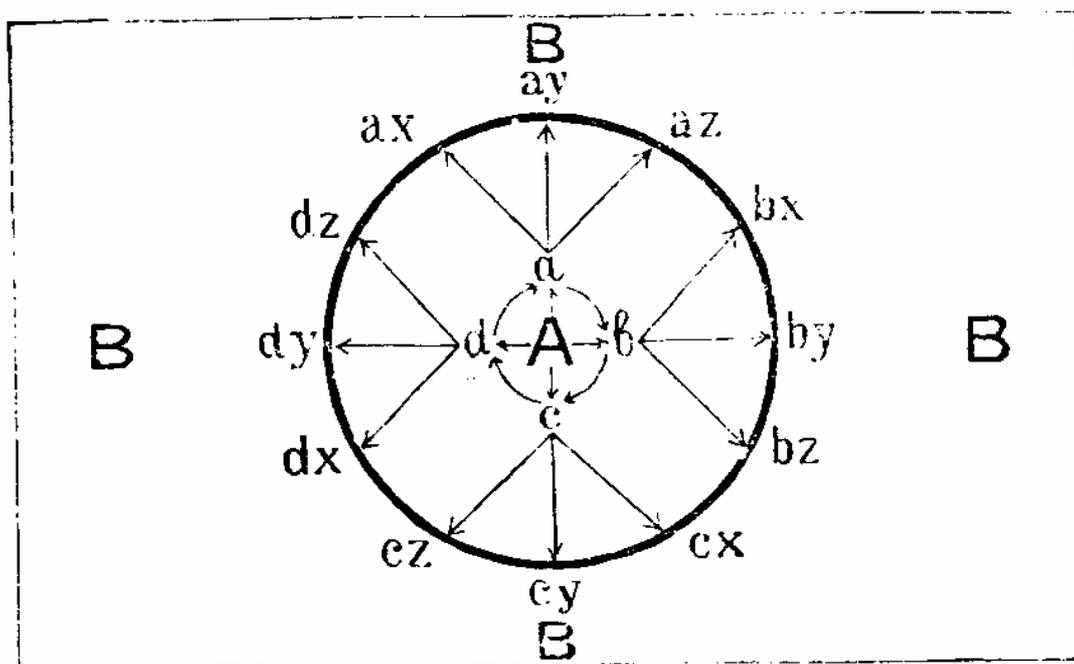
Умозаключение – связь суждений – относится к разуму; жизнь суждения относима к рассудку; Кант относит суждение и понятие к однородной рассудочной сфере; этой сферы касается аналитика; диалектика – есть ученье жизни умозаключений.

Между тем: меж рассудком и разумом проводима граница не там, где она проводится Кантом, потому что и сфера суждений есть сфера разума; рассудочность – только в сфере понятии.

Предикат и субъект разряжаются в многорядности их оттенков; заменяя субъект всей динамикой смысловых контрапунктов его, утопляем единство субъекта кругами субъектов; точно также: в понятии предиката мы топим единство многообразием оттенков его; суждение рассудка – абстракция суждения разума; в каждом суждении, собственно говоря, многообразие субъектов и предикатов: Роза есть цветок – суждение изобразимо графически:

$$\begin{array}{c} \text{есть} \\ A \longrightarrow B \end{array}$$

Но если « A »= $a+b+c+d$, « B »= $x+y+z$, то суждение динамическое расширяет суждение статическое многообразием метаморфозы значений:

Чер. 3.

Истина суждения, графически выражимая в схеме рассудка, как «4» есть «В», топится в многообразии своих жестов: $ax+bx+cx+dx+ay+by+cy+dy+az+bz+cz+dz$. Она – ритм конкретных оттенков. Она – идея оттенков. Идея – невыразима в абстракциях; она – жест многообразия всех абстракций; она – образ абстракций; она – организм архитектоники их. Таково негативное определение идей в условиях абстрактного мышления. Разум – образует идеи: рассудок – понятия. Так определяет нам разум и Кант. Кантов разум – рассудочный разум; познавательный акт, начинаясь внерассудочной сферой, не определяем в понятиях рассудка: он – в разуме; внутри разумен рассудок; он для разума проникаем: разум непроницаем рассудком. Заключение Канта о разуме и идее не вскрыли нам разума: вскрыли они искривления рассудка; в перечислении кривизн заключается диалектика кантовой критики разума; Кант полагает, что вскрыл иллюзорность идеи; между тем он вскрыл нам: несостоятельности рассудочных заключений о разуме; несостоятельность аналитики Канта вскрывается; акт познания трансцендентен всем подлинным вскрытиям акта: кантово познание познаванию запредельно.

13.

Отношение меж сферами разума и рассудка открывается философией духовной науки. Хорошо нам рисует жизнь разума Штейнер: множество понятий рассудка в разуме есть текучее множество, определяемое ритмом

градации множеств¹; идея имеет по отношению к понятиям рассудка не абстрактно-логический, а ритмический смысл; идея не изобразима в понятии: в метаморфозе понятий; уразуметь ее – значит: уразуметь ритмы способов ее выра-

¹ Grundlinien einer Erkenntnistheorie der Goetheschen Weltanschauung. Verstand und Vernunft.

жения; идея не может быть данной в статическом виде, т. е. в одном оформлении; между тем: понятие – оформление; как таковое, понятие – пусто; идея дается лишь в круге понятий; здесь понятия круга – отдельные жесты, рисующие совершенно конкретный характер идейного мышления; понятие об идее имеет всегда лишь условный, прообразующий смысл; в понятийном смысле идея-понятие будет всегда только ложью; и критическим средством рассудка разоблачаема ложь; понятие в собственном смысле и понятие об идее, изобразимой, как ритм понятий, – два характера взятия этих понятий; относятся друг к другу они так, как экзотерика к эсотерике; понятие об идее – эсотерично насквозь. Потому-то и прав Рудольф Штейнер: «Истины, принадлежащие к целой системе воззрений, понимаемы правильно лишь в их взаимообщении... Этот глубокий их смысл... эсотерический смысл. Последний лишь уловим для того, кто ознакомился со всем... кругом воззрений, к которому принадлежит воззрение единичное... Истины же..., взятые вне сочетания истин, – называются истинами эсотерическими».² Отношение идеи к понятию – отношение становления к ставшему: определяет «*B*» ведь не «*A*», а весь круг *A, B, C, D*; суждение «*A+B*» есть пустое вне круга *ABCD – ABDC – BCAD – BADC – BDCA – DBCA* – и т.д.; «*A*» в суждении «*A+B*» определимо на фоне из сочетаний и переложений *A, B, C, D*, вне которых суждение «*A+B*» будет пусто, рассудочно; эсотерическое взятие суждения в круге утопит статический смысл его в становлении многообразия смыслов; и проявится новый смысл, относящийся к первому смыслу, как ритм.

Говорит Рудольф Штейнер в комментарии к гетею тексту: «Возникновение, становление неуловимо рассудком и в понятии не представляемо. Вместо самого становящегося рассудок нам устанавливает: ряд изолированных... единичных вещей».

В символику, в имагинацию разрешается в разуме познавательный акт. Проекция динамических актов в рассудочной статике изменяет и взгляд на характер того, что мы можем назвать мировоззрением-собственно. Мировоззрение сменилось методом, а – методов много; в настоящее время может господствуют мировоззрения в многообразии жестов. «Многоразличие коренится в многообразии мира рассудка. Тут освещается нам и различие в развитии научных методов»³; он, Р. Штейнер, рисует нам до двенадцати картин мира; и обычная истина «*A*» приложима в них до двенадцати раз; она не «*A*», а $A = a + b + c + d + \dots$

Мировоззрения эти: 1) спиритуалистическое, 2) пневматическое, 3) психическое, 4) идеалистическое, 5) рационалистическое, 6) математическое, 7) материалистическое, 8) сенсуалистическое, 9) феноменалистическое, 10) реалистическое, 11) динамическое, 12) монадическое. Каждое преломимо во всех. Мировоззрительный зодиак возникает пред нами; сначала «*12*» их, потом « $12 \times 12 = 144$ ». Кроме мировоззрения, Штейнер вскрывает нам «*7*» основных настроений: 1) гностицизм, 2) логизм, 3) волюнтаризм, 4) мистицизм, 5) эмпиризм, 6) трансцендентализм, 7) оккультизм; 144 возможных мировоззрений преломляемы «*7x7*» мироощущеньями: $144 \times 49 = 7056$ модификаций абстрактного

² Goethes Werke. Naturwissenschaftliche Schriften; IV Band, Zweite Abteilung, 1-27. Примечание к гетею тексту.

³ XXXIII Курс для членов Антропософического О-ва.

смысла. Далее: многообразие нюансирует он тремя тонами отношения к миру: 1) теизм, 2) натурализм, 3) интуитивизм; тоны эти опять-таки друг в друге множатся: $3 \times 3 = 9$; $7056 \times 9 = 63.504$.

Феноменология Штейнера допускает до 63.504 нюансов отдельного абстрактного положения. Смысл абстракции по отношению к своему текущему смыслу есть $1/63.504$ этого смысла.

Образ подлинной мысли дается в проекции рассудочной мысли; проекция явственно намекает на отношение подлинной мысли к абстрактной.

Рудольф Штейнер рисует и методы, приводящие к постижению *in concreto*, того

43

что есть мысль в становлении, разбивающем на абстракции корку: из разрыва взлетают 63504 оттенки ее. Такой взрыв мира мысли в разбитом понятии уподобляем погибели старой мысленной формы в огне содержаний. Это есть революция, ниспровергающая старый строй.

14.

Рудольф Штейнер дает нам блестящую критику Канта.

Кант не ставит вопроса о том, чем должно быть познание; и берет его данным; между тем: данность эта не данность; в ней не может уж быть разделения на познание и на мир. Познание начинает с анализа самой проблемы о данности; но такого анализа нет нам у Канта, который вскрывает структуру познания данного нам; но познание, данное нам, может быть непознанием; во-вторых и Кант не ставит вопроса о том, что же есть *a priori*, а ставит вопрос, как возможны они; *a priori* являются просто условием омыта, а под опытом Кант разумет нам чувственный опыт; между тем: опыт мысли есть опыт; и опыт – сверхчувственный; *a priori* опыта чувств сами суть материал: познавательной деятельности; кантовы *a priori* по отношению мира чувств; но лежат они внутри опыта мысли; кантов опыт есть половина опыта собственно; понятия и идеи суть эмпирия для мысли; идеальное есть предмет, как реальное; Кант критически не раскрыл нам понятие идеального опыта; и вскрыл, что деление на субъект и объект – внутри опыта мысли, которая внесубъектна и внеобъектна; потому что субъект и объект – дефиниция мысли; а у Канта «я – мыслю» – условие мысли; но «я – мыслю» – лежит внутри мысли.

Познание – имманентно действительности; а у Канта действительность трансцендентна познанию; трансцендентное познанием не вскрываемо; и действительность Канта – абстракция, форма.

15.

И субъект и объект это ставшее мысли; объективно ставшее – чувственная форма по Канту; объективация опыта – чувственность в научном законе.

Опыт собственно начинается с становления; в становлении нет еще ставшего, предметного мира и абстракции мысленных форм. Становление – кипенье фантазии, образующей образы мира мысли. Акт познания начинается с кипения образов; образ мира и мысли – единство в кипении; в той еще невнятице для рассудка, по теории знания Штейнера, и начинается познавательный акт.

В этом первом моменте действительность нам дана не как действительность-собственно, которую мы должны еще воссоздать в познавательном акте; в своем первом кипящем аспекте, она, говоря языком обыденным, «суб'ективна», случайна; в этом смысле и нет ее; ее нет еще в кантовом представлении. «Я», познание, творчество, мир суть бессвязно кипящие части. Из кипения остывают нам накипи (материя и понятие); эти накипи суть расщепы уже остывающей лавы; приложение к опыту категории (кантов акт) не есть акт, а лишь жест, долженствующий указать, что творится в познании: в результате его восстает образ мысли; он есть организм; здесь мысль переходит из состоянья абстракции в существо; материя становится духом; познание только в этой действительности; если данности не осуществляют познанию вмененную цель (быть имманентным действительности), то познание не познание. Вместо того, чтобы выяснить, почему познание – не познание вовсе, вместо того, чтобы вскрыть связь познания с познанием-собственно, Кант начинает с разбора вопроса о том, почему познание, данное нам, не в состоянии вскрыть картины действительности, продиктованной смыслом; анализируя акт познания, натывается Кант на свою пресловутую схему; эта схема врывается беззаконной кометой в кантов мир; в нем она – след живого познания, не могущего найти себе место; схема распята на кресте, образованном линией грани меж рассудком и чувственностью и линией прикасания к предмету понятия.

Схема Канта – мертвец огневого познания, которое остужено Кантом; мир и мысль – перекладыны страстного креста; в подлинной постановке проблемы познания мир и мысль – это органы организма познания.

Познание – плоть вселенского существа, это – Логос: понятие и материальный предмет (мысль и мир) это камни, которые держит Строитель; действительность – купол, соединяющий камни; акт познания – Логосом построенный храм.

44

Таков взгляд на познание – Штейнера.

Если бы содержание мира было связано с содержанием мысли в начале познания, то познания не было б. Если б мысль порождала свое содержание мира, то познание не было б деторождение: легкомысленно построенный суб'ективный мир. Штейнер нам говорит: «Только добытый через познание образ содержания мира, в котором соединены обе... стороны, может быть назван действительностью»⁴.

16.

Говорит Рудольф Штейнер: все входящее в область познания в начале познавательных изысканий должно быть отвергнуто; вне познания – начало познания; из вне-лежащего первый шаг – уж есть познавательный шаг.

Что же должно быть отвергнуто? Что не может быть данностью?

Мир, окружающий нас, не есть данность: мы читаем его сквозь условия чувственных и познавательных восприятий; восприятия эти суть связи понятий; поэтому: всякая связность понятий должна быть отвергнута; мир, окружающий нас, нам дан в шорах; в мировоззрениях понятия суть первичные данности; мы

⁴ Рудольф Штейнер: «Истина и Наука», стр. 64 (русский перевод). «Духовное Знание».

должны отрешиться от взглядов: представление о материи, силе, числе, о причинности, основании, сути, возможности, бытии, необходимости, истине и действительности – все должно быть отвергнуто. Это – формы понятий; привычка их смешивать с миром – огромна; категории мысли выгравировались во все восприятия мира вне нас, и этот мир, окружающий нас, есть не мир; мир – вне связей, мир собственно – вне-материален, бессилён, вне-численен, беспричинен, случаен, несущ, невозможен, неистинен, не действителен и т. д. Такой мир не способен вообразить мы себе; между тем дан лишь этот мир; но его для нас нет.

Чувственность не есть данность: чувственность нам дана в оформлении категориальных понятий.

Мысль не есть эта данность; все мысли даны в связях чувств.

Остается нам понимать под первичною данностью хаос бессвязно-бунтующих волн: ощущений, воззрений, чувств, волений, снов, фантастических образов, представлений, понятий, идей, сознаваний и «я». Таковую бессвязность условно называет нам теория знания Штейнера горизонтами чистого наблюдения, где нет мира и мысли.

Второй пункт предваренья познания – в постулате: в пучине, нам данной, должны мы начать создание. Как его нам начать?

Чтобы было возможно начать что-нибудь, мы должны положить *a priori*: в область данного должно «нечто» входить, что и в нас входит деятельностью; это «нечто» есть мост между образом мира и нами; это «нечто» не чувства (качества их субъективны); это «нечто» – понятия, которые производим мы сами; как продукты понятия суть вне нас; как процессы – они идеальная деятельность; «мы» и «мир» пересекаемся в жизни идей; в эту жизнь вовлекаемся мы, и в нее вовлекаются образы данного мира.

Постулат – познание должно быть при условии соединенья в идее нас с миром – разделяет первичную данность на мир и понятия; третий шаг – восстановление единства; он есть познавательный акт в смысле Канта: покрытие мира понятием.

Все, что нам гласит Кант, раскрывает механику акта; но условия возможности акта не вскрыты нам Кантом: 1) эмпирия данности в таком виде, как мы очертили ее, 2) веление, чтобы познание было подлинно проникающим, чтобы в нем мы и мир создавали действительное единство идеи. Эти условия безусловно критически добыты; и они нам вменяют: считать познавательный акт – интуицией, сливающей «нас» и «мир» в образ нового мира.

Данность кантова – чувственность; по отношению к собственно-данности, она – часть ее; в собственно-данности нет двучастного: есть кипение цельности; кантовы категории с точки зрения познания-собственно суть такие же данности, как и чувственность Канта. И оттого-то: кантово приложение части к части – случайное приложение; не вскрывает оно ни одной части данного (категории), ни другой его части (чувств); недостаточность прорвалась в положение запредельного кантова мира.

Соединение двух частей познания есть слияние, упраздняющее разделенные части в воображенной действительности. Все познание, данное нам, есть лишь схема познания-

45

собственно: есть лишь план храма творчества; осуществление храма, требует

кроме черчения плана на плоскости (акта абстрактных познаний), – умения осуществлять этот план.

В обыкновенном познании не осуществим этот план: феноменализм познавательных данных актов (абстрактно-логических) – факт; Кант, вскрывая механику факта, не останавливается над вопросом о том, в осуществлении ли этой механики познание-собственно.

В нашем познании храм действительности не достроен: но вскрывая механику данного факта познания, мы в ней видим вменение: познание должно быть таким, каким очертил его Руд. Штейнер; познание-собственно предваряет огромный путь: фактического преодоления познавательных предпосылок.

17.

Сообразно велению, чтоб познание состоялось, должны мы: 1) отправиться от чистого образа мира в начертанном смысле, 2) установить процесс жизни мысли, пересекающей нас с этим образом, выделяя ту жизнь из первичного хаоса, 3) соединить обе части. Только при этом условии соединение – будет; вне его оно будет: механикой наложения категорий.

Освобождение от познавательных предпосылок осуществит акт познания-собственно в том лишь случае, если будет оно не теорией, а действенным актом, потому что познание это определяется всей свободой от рабства иллюзий, в которых мы замкнуты.

Путь к свободе познания в практике снятия предпосылок, т. е. в йоге познания; эта йога познания необходимая предпосылка теории знания в феноменалистическом смысле; наоборот: в теорию знания-собственно она включена, как момент.

Только в йоге познания, т. е. в пути медитации, осуществляемо освобождение начала познания от познавательных предпосылок; путь приводит нас: к установлению данности; и – разбивается на три момента: 1) освобождение понятия от всего иного (понятие и образ мира даны в механической, произвольном смешении: т. е. мир дан в случайностях мировоззрительных связей), 2) уразумеение процесса мыслительной жизни, 3) погружение процесса мыслительной жизни в освобожденный от всех понятийных коростов мир, где «я», «мир», «мысль», творчество, познание суть единство.

18.

Если бы мы сумели снять связи понятий с картины нам данной действительности, то картина, нам данная, в нас естественно расковалась бы от всего, к ней примышленного: от материи, основания, чувств и от органов, восприятий, причинности, бытия; снятие понятийных форм с мира данного обнаружило б нам внутри нас: мир, нам данный, кипит: мир, нам данный, бушует, в нас плавится, как вдруг плавится лед; материя закипела бы образами небывалых фантазий, причинность вскипела бы ритмами исторических мифологий: и – мифологий небывших; восприятия наших органов чувств переплавлялись бы в *sui generis* восприятия, нам доселе неведомые, бытие стало б нам *sui generis* бытием.

Словом, нам показалось бы: все, что жило доселе в нас подсознательно, глухо, растительно, под корой материального вещества, теперь встало из павших

порогов; переживали бы мы – передвижение порогов.

Передвижение это возможно: в медитации, в практике мысли; медитация – в упражнении с вниманием, в развитии волея к мысли.

В упражнении с мыслью достигнуто собственно – вот что: понятийный корост, прилипший к предметному миру, снимается с мира; предпринимается первый шаг к снятию коростов. А кипение образов в нас, изменение восприятий – есть что? Оно есть отражение в застылом понятийном коросте всего того, что свершается с непосредственно данным нам образом (миром), когда снимем с него мы условные предпосылки познания, в которые мы его облекали абстракцией мысли: ощущение, будто мысли мыслят себя, ощущение, что они покрываются образами всевозможных фантазий и мифов, не есть мысли собственно, а зеркальное отражение в отодранной мысли того, от чего мы ее отодрали; от условности, отражений будем мы подниматься к умению чтения ритмов кипения мира; вся сознательность мысли обычной, каркасы понятий, останутся в нас; но каркасы понятий воистину превратятся нам в зеркала, отражающие кипения непосредственно данного мира, которого образы мы впервые увидим. Эта стадия освобождения от познава-

46

тельных предпосылок в умном делании мысли – в медитативном внимании; собственно говоря: лишь вниманием к понятию понятие отрывается от нам данного мира, который мы видим теперь в своем подлинном виде – отраженным в понятии.

Эту стадию предварения начала познания называет нам Рудольф Штейнер: *имагинацией*.

Далее следует нам: развить крылья мысли, чтобы узнать, что такое она в непосредственном виде своем.

Йога мысли, ведущая нас к началу познания – собственно, нам гласит: *имагинацию* следует нам разбить; непосредственный образ мира в душевном его выражении упразднить, и – остаться вне образов.

Собственно, в упражнении этом, погружаемся мы в движение жизни понятий, в процессы движения, роста, питания все-предметной, себе довлеющей и себя пронизывающей мысли. Что же есть упразднение образов? То же самое, что движение ветра на зеркальной глади поверхности вод: понятия – суть застывшие мысли; и снятые с мира, они отражают кипение вспонятийно бьющей природы его: и она в нем – фантазия; *имагинация* есть зеркальное ее отображение; упразднение фантазии есть развитие мускулов мысли: это – рябь на зеркальной поверхности мысли; и это – жизнь мысли; первоначальные прорезы воистину мыслительной жизни – безобразны, потому что движение мысли дробит отраженные облака мировых мифотворчеств; но эти ряби растут; осознается жизнь мысли-собственно ритмами; в жизни собственно-мысли эта мысль одновременно находится в нас и в том образе мира, который нам дан непосредственно; первое соединение наше с миром мы узнаем в мире мысли; идея есть мост, соединяющий «я» и «мир»; идеологии суть течение, произрастание доселе застывших понятий; и поэтому жизнь идей постигается нами двояко: иерархической жизнью ритма в нас и вне нас; что в нас музыка, то вне нас голоса иерархий; миры ангелов и архангелов – это мысли; и жизнь иерархий в нашей мысли и жизнь нашей мысли в образованиях мира – единство.

Эта стадия освобождения от познавательных коростов, нас ведущая к точке начала познания-собственно, есть по Штейнеру: инспирация.

Наконец в инспирации, в соединении нашей мысли с вселенной, в крылах этой мысли, как в ангеле, перелетаю «я» через пропасть, отделяющую меня от кипений вселенной; соединяюсь «я» с миром в единстве божественного: соединение это и есть интуиция.

То, что кажется нам непосредственным образом, образом мира, при попытке поставить его пред собой в непосредственной ясности есть интуиция.

Непосредственной данности нет, а есть интуиция: интуиция – Слово, создавшее мир.

Освобождение от познавательных коростов осуществляемо в практике духовной науки: освобождение это ведет от абстракций условных познаний через три познания – к акту познания-собственно: имагинация, инспирация, интуиция суть три зоны познания в Разуме: имагинация отрывает нам мысль от всего в мысли чувственного; имагинация – преображение ума; инспирация преображает нам чувство; интуиция преображает нам волю.

Освобождение от познавательных предпосылок есть вместе с тем: преображение человека в духовное существо. В существе интуиции осуществляет познание свои цели: интуитивно построенный познавательный акт в трех моментах своих: непосредственной данности, щепления на мысль и на мир, соединения мысли и мира в действительность-собственно есть творенье вселенной в трех моментах своих: 1) создание в Боге человека и мира, 2) выпадение человека и мира из божественных недр, 3) соединение человека и мира в преображающей мир человеческой деятельности, возвращающей человека и мир в Божество.

19.

Внутри познания-собственно, которое есть интуиция, заключены три отдельных и замкнутых сами в себе познавательных сферы: инспиративная, имагинативная и абстрактно-логическая. Эта последняя своим содержанием мыслит лишь чувственно данный предмет; образ-подобие нашей мысли есть мертвенный камень; имагинация своим содержанием мыслит предметы сверхчувственные: это текучие образы; подобие имагинативной мысли – фантазия; фантазируя, мы приближаемся к предощущению состояний позна-

47

ния в имагинативном их виде: приближаемся к образу; наоборот, инспирация мыслит своим содержанием ритмы мысли; в ритмизации абсолютно-безобразных мыслей предощущается, что содеется с нами в мирах инспирации; приближается к инспиративному миру – звук внутренний: он преисполняет нас гармонией сферы; интуиция мыслит свое содержание по образу и подобию того странного состояния, в котором я нахожусь, когда говорю себе «я есмь я»: «я» себя пронизаю: «я» – «я»! Точно так в интуиции пронизает познанием предмет интуиции: он становится тем единственно ведомым мне изнутри существом, каким «я» являю себя в утвержденьи: «я» – «я».

Можно условно сказать: есть единый намек на познание интуитивного мира; намек этот – «я»; мысль – намек инспирации; и на мир имагинативного мышленья намекает чуть-чуть символический образ.

Если б вскрылось нам имагинативное веденье, мир фантазии б вскрылся нам в архитектонике своих ритмов; и мы видели б: по каким законам конструкции оплотневают нам стили быта культур, начиная с огромных концепций, подобных концепциям Рафаэля и кончая – случайным орнаментом; нам бы вскрылась природа фантазии жизнью стихийных существ, именуемых душами: и в сознании животных сумели проникнуть бы мы; состояние это напоминало б нам *sui generis* ясновиденье; имагинативное ясновиденье не есть слово пустое. Если б вскрылось нам инспиративное веденье, мир бы мысли нам вскрылся в архитектонике ритмов своих; и мы видели б: по каким законам оплотневают нам философы; и мы видели б: зарожденье религий из их исконных истоков; нам бы вскрылась природа религии в иерархической жизни существ; и в сознание цветов мы сумели б проникнуть; инспиративное ясновиденье не есть слово пустое. Если б вскрылось нам интуитивное веденье, то мир, «я», моего, многих «я» мы умели б свободно читать; и мы видели б: самое образование «я»; нам бы «я» открылось, как мир: мир миров. Соединение «я» и «я» всего мира случилось бы в акте интуитивного веденья; и субстанция истинной логики «я» соединилась бы с Логикой собственно: страной Логоса; соединенье науки с Христом в науке духовности было б мне: воистину космическим христианством: в интуиции «я», «Христос», Космос – единство.

Самосознание камня мне было б открыто.

В имагинации – соединенье критической мысли, научной, с мифической, сонно-образной мыслью забытого прошлого в мысль образа: точная фантазия мысли – намек на имагинацию собственно; преодолеваются в ней две эпохи: старинного и нам данного мышленья; овладение стародавнею мыслью, которая есть сон, греза, в имагинации приоткрывает нам мир обычного сна; упражнение в имагинативном познании переносит сознание в сон и сон в бодрствование; преодолеваются состояния эти в единое состояние цельности, упраздняющее нам мир и мысль в их статическом смысле; имагинация соединяет душевные испарения чувств в нас с абстракцией представлений о духе в духовно-душевной конкретности; многообразие и единство соединяется в представленны много-различий единства, единства различного; новый образ, здесь вскрывшийся нам – групповая душа; групповые души народов и групповые души животных суть образы типов; мир типов впервые вскрываем в имагинации-собственно; область символов скрыта здесь: и открывается здесь в своем подлинном виде, что собственно искал выразить Гегель, объясняя историю философии метаморфозами протекающей жизни идей, данных Гегелем в эмблематике их понятийной жизни; и становится ясным впервые стремление Гете выразить жизнь растений в оплотневанье процессов в нас живо текущей фантазии. К точной фантазии мысли стремились оба они: но фантазия эта в понятийной форме своей негативна, абстрактна, феноменологична у Гегеля; и фантазия Гете еще своей чувственной формой опять-таки негативна: биологична, плотна; и точной фантазии мысли еще не достигли ни Гете, ни Гегель. Но порыв их – огромен. И стремление тайное их – имагинация: имагинация недостижима без праксиса снятия с мысли понятийных коростов мысли; это снятие – долгий путь упражнений; и – без духовной науки почти невозможно найти Ариаднову нить, выводящую нас из лабиринта иллюзий, опасностей, путаниц к точной фантазии.

Имагинация – Мудрость.

В инспирации – соединенье фантазии мысли с еще более древнею, запорожной, забытой, глухою эпохой растительной мысли; эта древняя мысль и есть собственно жизнь: жизнь растений, которых сознание еще не отделилось

48

от лоно духовного: еще духовное лоно не вдунуло мысли в растения; и эта мысль их в духовном – глухом подсознании спящей их личности протекает как жизнь; образ растительной жизни уподобляем глубокому сну: сну без грез; сон без грез есть очень древнее состояние наше: он теперь в нас есть мир, где бываем мы ночью: но в этот мир не протянуто наше дневное сознание; овладение инспирацией открывает нам страны безгрезного сна: открывает сознанием нам миры бессознательности; в тех мирах мы куем себе судьбы; в мирах инспирации происходит впервые огромная встреча с судьбою; соединение необходимости и свободы лишь здесь постигаемо; упраздняется в нас образование фантастической мысли: и из них сквозь безобразность проступает впервые мир подлинно духов; новый образ, нам вскрывшийся, это духи народов, – архангелы: существо жизни мысли вскрывается здесь нам как древо познания: это древо – одежда единого Существа: духа душ.

Мысль теперь есть София: Мысль-Собственно.

В инспирации углубляется в нас представление о духовной конкретности: в имажинации, так сказать, мы пронизаны духом до нервов: в инспирации, так сказать, пронизает духовность нам мускулы и сознательно движет нас; в инспирации все наши встречи – судьба; в инспирации все наши чувства – познания; и инспирации мысли – улыбки Софии.

Инспирация есть любовь; любовь конкретизирует Мудрость: в инспирации понимаем мы говор цветов.

В интуиции соединение софийности мысли с еще более древнею данностью состоянья сознания – столь глухого, что его не характеризуюешь никак; разве только как чувство даже не жизни, а состояния космичности, «всечности»; образом и подобием этого чувства в сознании нашем является: смерть; образ жизни камней есть эта именно форма жизни; и в этом мире «есмы мы» до жизни; и – после смерти; он теперь в интуиции – мир, где свободно витаем мы: мир этот – мир за-смертный; в интуиции мы в буквальной смысле: во «всем» – вне себя; но мы именно там – у Себя Самого; мы – бессмертны; здесь смерть побеждается нами; соединение жизни и смерти мы здесь постигаем, как собственно жизнь в жизни «я»; и это «я» есмь не «я», а Христос; упраздняются в нас ритмы собственно-мысли; и из вне-мыслия мысли впервые встает теперь Слово: говорит шумом времени; самосознание наше пересекаемо тут с самосознанием духов времени, т. е. Начал; соединяются концы и начала; соединяется альфа с омегой: и линия времени – круг; разрываются оболочки софийности мысли на собственно Слово: и это слово есть Логос.

В интуиции углубляется в нас представление о духовной конкретности; здесь дух пронизает нам, так сказать, наши кости.

Вселенная – кости Слов; а чувства и мысли суть мускулы Слона: нервы Слова суть «я»; человечество – организм, где «я» – органы Слова: мировая истории – произнесение Словом слов: слова Слова есть творчество данного мира. И по образу Слова наш акт интуиции образует нам новый мир: и этот мир в мире данном: действительность.

Гносеологические предпосылки познания (отвержение познавательных коростов снятием коростов с мира и с мысли: и – прихождение к точке начала познания, которая есть бесформенный хаос, ничто) вызывает в нас три представления: кипящие образы, безобразность ритмов, ничто: эти три представления суть прообразы давних былей сознания: 1) космического, 2) бытийно-растительного, 3) мифологического, преодоленные сознанием в нашем смысле и ему присущим познанием: Познанием, данным нам: а праксис мысли, осуществляющий нам условия акта познания-собственно заставляет нас строить образы трех высших познаний: имагинации, инспирации, интуиции.

Эти семь состояний сознаний, дающих нам семь познаваний и семь планов жизни, в нас вписаны. Философия, физиология, космология, антропология, логика духовной науки, вскрываемой Штейнером, развивается гармонично из безусловно критически-трезвого взгляда на его познавательный акт; философия духовной науки неуязвима критически; неуязвима критически феноменология духовного праксиса; философия, праксис ее – пересекаются в их единстве; и этим единством является: гносеология Штейнера.

Феноменология духовной науки нам вскроет семь зон архитектоники культур мысли: космической Индии, бытийно-растительной Персии, напоминающей произрастание зелени в свете Солнца – Ормузда, мифологического Египта – Луны, абстрактной, нам данной: и мысли – грядущего, культур трех эпох.

40

Физиология этой науки рисует семь типов строения организма, переплетенных и единство; называя типы строений плотями строения, имеем – учение о семичленности плоти: 1) о плоти минеральной, 2) стихийно-растительной плоти, 3) о солнечной плоти, 4) о мысленной плоти, 5) о плоти душевно-духовной, 6) о плоти духовно-растительной, и 7) о плоти духовно-телесной.

Космология духовной науки рисует семь стадий вселенной: 1) сатурново (тепловое), 2) солнечное (световое), 3) лунное (водо-воз-душное), 4) земное (минеральное, твердое), 5) юпитерово (внутренне-красочное), 6) венерино (светозвучное), 7) вулканово (внутренне-тепловое).

Антропология в ней рисует учение о семи человеческих расах в семи состояниях сознания; и логика в ней рисует учение о семи-членном строении познания в семи познавательных актах.

20.

«В начале было Слово, и Слово было у Бога. И Слово было Бог... В Нем была жизнь...», т. е. нераздельная, целостность мира и мысли... «И жизнь была свет человекам».

Свет берется в двух смыслах: в аллегорическом, в качестве духовного света Христова: «Свет Христов просвещает все», свет берется и в смысле буквальном, потому что свет, свет невидимый, проницая наш свет, выявляется в нем, как поверхность свечения. Свет – единство мира и мысли: «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет... И был вечер, было утро: день первый...» «И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной. И был вечер, и было утро: день четвертый...»

Свето-мысль здесь щепится (первый день здесь переходит в четвертый): свето-мысль становится мыслью бессветной и светлым светилом (начало образования мира): из тепла органической мысли (сатурнова состояния) вы-

является состояние мира, как состояние солнечное.

То же самое мы читаем и у Гермеса: «Слово Божие снизошло в низшие сферы к творению природы... В жизни и свете – отец всего...»

Световая природа – природа природы, нам данной; и ее природа есть свето-мыслие; свет же Мысли (Софии) есть проявление Слова.

Слово здесь интуиция; и внутри ее образуется свет, пересекающий светочи мира и светочи мысли: здесь свет – инспирация; выявление мира, как солнечного кипения струй – и магинация мира, как образа. Светило есть Образ: и после уже этот образ становится астрономической, материальной данностью. Материальным свечением, звездой, медленно переходящей в планетную, мертвую глыбу: в Луну.

Космос есть произнесенное Слово чрез Мысль: состоянию космической мысли вполне соответствуют акты познаний ее, как культуры бытийственных жизней. Древнейшая Индия переживает ту область, которая вписана в нас сном без грез (пережитком) в световых излияниях: излияния пламени в древневедических гимнах есть мысль этих гимнов: и древнейшая Персия переживает вполне эту область, как блеск новорожденного Солнца: из очагов огромного пламени Агуромаздао впоследствии слагается Митра, который есть Солнце.

Переживает Египет ту область, которая есть сонная греза; сонная греза есть лунное отражение; в герметической Мудрости свет нам скрыт: он – оккультен; Тот-Луна – ведет к свету познания посвященных.

21.

Мы материю проникаем: проникание – в свете познания «я»; но это «я» не есть «я»: это «я» – «я во мне». «Я свет во мне».

И этот Свет – светоч миру.

Прометеев огонь, нам рисующий человека с светильником, в небе зажженным, есть первое веянье, что космический познавательный акт (мировая история) внутри акта приводит к творению в Космосе нового Космоса: этот новый космос – познание человеческое.

Свет и «я» суть расщепы огромного акта познания (негативы его суть субъект и объект нашей мысли); окончание акта: прорыв сквозь материю «я» и его восставание в Духе и Истине. Одновременно же: прорыв «я» в абстракции мертвых познаний.

«Бытие», «Евангелия», «Апокалипсис» нам рисуют реальнейший образ того, чем должно быть познание-собственно, по отношению к которому познание, данное нам, есть бледнейший прообраз: есть схема. Кантов акт по отношению к познанию-собственно определим, приблизительно, так, как свою трансцендентальную схему определяет

50

нам Кант. Трансцендентальная схема по Канту есть метод изображения понятия в образах; акт познания Канта есть: изображение познавательных образов правды в понятийных методах. Изображение правды в понятийных методах по отношению к мудрому знанию все еще есть слепая потребность воображенья души.

Познавательный акт должен быть интуицией. Формальные условия интуиции есть вменение, которое мы обязаны сделать, чтобы познание состоялось, – в начале познания: чтобы нечто было бы в нас и в непосредственной данности, в чем пересекались бы мы с непосредственной данностью; это нечто есть мысль: она – форма: продукт познавания; и она содержание, как самый процесс; соединение содержания с формой есть одно из формальных условий интуитивного акта; окончание познавательных актов – соединение с «я» процессов бытийственных и процессов познания в образ идейного Существа; идея действительности есть прообраз самой сути мысли: Софии.

Отражение этого образа в двух расщепках единства (в познании, в мире) есть абстрактный логизм (Фило-София) и Эмпирия мира (София Земная); соединение мысли с эмпирией мира ведет к созиданию в нас Ее цельного образа: Софии Небесной; форма образа есть: Эмпирей; эмпирия есть часть Эмпирея; познавательный идеал есть другая часть. Соединение частей в человеческом «я»; соединение это в нас самое «я» расширяет и выявляет, что «я» емь не «я», но во мне – Божество.

Развиваемый взгляд на познание не философичен, а антропо-софичен; логика антропософии есть Логика Слова: она – Христология. Идеология – ангелология в ней. Антропософия есть конкретная связь Христологии с антропологией-собственно. Теософия в ней из абстрактного гностицизма становится совершенно конкретной, духовной наукою.

Соединение ветхих, абстрактных небес (небес древнего гнозиса) с пучиною плотской в немеркнувший свет Эмпирея – подлинное окончание акта познания. Акт познания, построенный в этом смысле, – отображение до-Логоса: отображение это вменяет нам собственно: прочесть лик вселенной.

В трех моментах своих (восставанье первичного хаоса, данности, распавенья на мысль и предмет, и восстания цельности в идеальной действительности) – в трех моментах своих акт познания прообразует на путь жизни: восставание в Боге «я», его смерти в Христе, и его воскресение в Духе и Истине.

Акт познания в кантовом, формально логическом смысле, есть реальное осуществление лишь второго момента из трех в познавательном акте: есть распятие личного «я» на перекладинах страстного креста: пригвождение «я» к понятию и к чувственной форме. Наше «я», рождаясь в Боге, противопоставляется далее всему, что «не-я»: но он должно принять то «не-я» (понятие, мир) как распятие: «я» в «не-я» распинается. Утверждая познание механикой, утверждая мир механизм, распинаем в себе горделиво мы мир и мысль. Мы становимся тут разбойниками, ибо мы распинаем в себе воскресенье Христово. Исцеление нашей гордыни – в добровольном распятии; мы должны сказать частям и мира, и мысли: «я – это Ты»: понести бремя мира и мысли; понесение бремени есть путь на Голгофу: на Голгофе познания, в смертных муках становится ясным нам наш грех: «Помяни меня Господи».

Но этот возглас наш переходит в другой: «Не «я» – но Христос во мне».

Во Христе умираем.

Но в этой смерти свершается разодранье завесы во Храме: наше личное «я» есть завеса: за завесой – мы сами, восставшие в Духе и Истине.

Мы – в Боге родимся. Во Христе – умираем. И – встаем в Святом Духе.
Три момента в познании есть Тр и е д и н с т в о . Познавательный акт отобра-
жает его.

1916.